

БОГ СИРОТ И ВДОВ

1935 ГОД. СИРОТЫ

В семье Шиловых, разорённой смерчем гонений, вся ответственность за четырёх малолетних детей легла на старшую дочь Веру. В 1935 году ей исполнилось 18 лет.

Из «Анкеты арестованного» Шилова И. Н.:

жена — Ольга Михайловна, 45 лет (в концлагере М. Гора),
дочь — Вера 18 лет (домохозяйка, В. Волочёк),
дочь — Лидия 13 лет,
дочь — Надежда 12 лет,
сын — Виктор 11 лет,
дочь — Люба 9 лет.

В доме — ни отца, ни матери, ни средств к существованию. Чем кормить сироток? Одиночество, голод, скитания, и на всю жизнь клеймо: «семья врага народа» — через это прошли все дети узников 30-х годов. Переживания семьи, насильственно лишённой родителей, доведённой до отчаяния, понятны нам лишь отчасти после знакомства с тремя заявлениями из уголовного дела Шилова. В этих письмах — слёзы, несбывшиеся надежды, крик о помощи:

Заявление И. Н. Шилова от 9 августа 1935 года в Особое Совещание НКВД (Москва):

(...) После ареста 26.02.35 года оставленные мною малолетние дети в возрасте от 9 до 13 лет находятся в крайне тяжёлом материальном положении и ничем не обеспечены. Моя старшая дочь мне заявила, что не знает, как выйти из положения голодной смерти детей... На этом основании я просил НКВД отобранные у меня Торгсиновские книжки на 65 рублей вернуть детям. Но мне ответили, что удовлетворить мою просьбу может только Особое Совещание НКВД по вынесению постановления. Прошу учесть тяжё-

Дети семьи Шиловых, 1930 год

Люба и Надя Шиловы, 1935 год

лое материальное положение детей — разрешить вернуть детям Торгсиновские книжки, возвратить моей дочери все отобранные у меня при аресте согласно акту от 27.02.35 г. И второе, прошу предоставить мне отпуск для устройства детей в школу и на какую-нибудь работу. Советское государство не может остаться безучастным к жизни детей. Кроме того, прошу предоставить возможность мне свободного проезда к месту назначения в означенный лагерь за свой счёт.

Настоящим заявлением прошу Вас срочно удовлетворить мои просьбы ввиду получения срока и возможной скорой отправки. От заключенного в Калининском изоляторе, камера №5 (подпись).

Заявление Гусева Василия Дмитриевича от 10 августа 1935 года в Московское Управление НКВД:

«Я, рабочий Калининской области Вышневолоцкого уезда, деревни Долги, 59 лет от роду, по специальности стекольщик лесозавода № 21. 4 марта 1935 года был арестован уполномоченным Вышневолоцкого управления НКВД и с обвинением по ст. 58/10 УК направлен для заключения под стражу изолятора г. Калинина. Никакой вины я за собой не чувствую. Никакого преступления, ни уголовного, ни политического я перед государством и обществом не совершал. Никогда в течение 60 лет своей жизни рабочего не судился и не оштрафован, никакой агитацией не занимался. Я совершенно не понимаю, что такое агитация и контрреволюция, в которых меня обвиняют. Сажу в изоляторе г. Калинина 5 месяцев... Вызвали меня 04.06 с.г. и заставили подписаться, что дело мое перечислено за Московским СПО.

На днях, т. е. 8 августа я получил извещение, умерла у меня жена от нервного расстройства по случаю моего долгого заключения и от голоду. Остались трое малолетних детей в возрасте от 3 до 12 лет. Что с ними и где они? Куда деваются последние нищенские вещи, нажитые трудом и потом рабочего старика. Это меня страшно убило и я слег в тюремную больницу. Прошу ускорить разбор моего дела и принять во внимание вышеизложенное.

От заключенного изолятора г. Калинина, камера №4 Гусев (подпись).

Продолжение статьи «Расстрелян за призыв к независимости». Начало в №№ 3—6, 2011 г.

Заявление Варламовой Евдокии Ивановны:
«Прошу главное управление НКВД не допустить стра-
дать невинного человека Варламова Г.Е. и всю его семью.

Мы живем в г. Калинин с 1928 года (...) 26 февраля
муж арестован и содержится в следственном изолято-
ре до сих пор. Я нахожусь без средств существования
с четырьмя малолетними детьми: 8 лет, 5 лет, 3 года
и 1,5 года, прилагаю фотокарточку. Муж обвиняет-
ся как активный член общины евангельских христиан
с антисоветским направлением. Он никогда не был
враждебно настроен против Советской власти... за
что я могу поручиться... 5 июня 1935 год. (подпись).

(г. Калинин, ул. Артема, д. 13).

Ни одну просьбу, изложенную в заявлениях,
не удовлетворили. Господь был кормильцем этих
детей. Сирот по одному приютили верующие в свои
семьи. «Господь знает дни непорочных, и достоя-
ние их пребудет вовек. Не будут они постыжены во
время лютое, и во дни голода будут сыты» (Пс. 36,
18—19). Отец сирот и вдов верен в обещаниях, по-
этому дети семьи Шиловых чудесным образом вы-
жили. Ежемесячно Вера Шилова получала посыл-
ки и денежную помощь через Торгсин от любящих
Господа христиан. Обычно детей из семьи «врага

Семья Г. Е. Варламова, 1935 год

народа» после ареста родителей помещали в спец-
интернаты НКВД для воспитания в советском ду-
хе, но Бог спас детей Шиловых от этой участи.

1936 ГОД. ВТОРАЯ ВОЛНА АРЕСТОВ

М. П. Мясоедова
(фото 1933 г.)

Махотина Татьяна
(фото 1935 г.)

Шилова Вера
(фото 1959 г.)

Панкратова На-
дежда (фото 1948 г.)

Панкратов Иван
Вас., пресвитер

Ефименко Ни-
колай (фото 1935 г.)

В 1935 году после первой волны арестов в Калинин-
ской области (в тюремных застенках оказались 10 слу-
жителей) жизнь церкви продолжалась: на место отцов
встали их дети. «В. Волоцкая община с начала 1934 г.
перешла на новую структуру, выразившуюся в том,
что община разбилась на ячейки-группы по террито-
риальности», — писали в отчётах чекисты. По совету
И. Н. Шилова все незарегистрированные общины ЕХБ
перешли на нелегальное положение, разбились на груп-
пы из 10—15 человек, в каждой группе назначили от-
ветственным брата проповедника и собирались тайно.

Шилова Вера приняла крещение в В.Волочке
и влилась в группу евангельских христиан, которой
руководил Пётр Левин. Молодёжь собиралась летом
на природе, а зимой в избах под предлогом чаепи-
тия. Собрания часто проходили в квартире Панкра-
товых, Махотиных, Ларионовых.

В октябре 1936 года прокатилась вторая волна мас-
совых арестов по Калининской области: арестовали
44 человека, в основном молодёжь от 17 до 30 лет — это
были дети арестованных служителей. Среди лишённых
свободы оказались М. П. Мясоедова (65 лет), Пётр Ле-
вин (22 года), Шилова Вера (19 лет), Панкратова На-
дежда (22 года, её отца Панкратова Ивана Васильевича
осудили в 1935 г.), Махотина Татьяна (23 года) и другие.

Между двумя волнами арестов произошло важное
событие: «В начале 1936 года в В.Волочек приезжал
видный руководитель евангелистов в Советском Со-
юзе, член Всесоюзного Совета Евангельских христиан
Яков Иванович Жидков. Он остановился на квартире
у Панкратовых, интересовался деятельностью неле-
гальных групп» (Из протокола допроса, октябрь 1936 г.).

Летом 1936 года Я. И. Жидков приезжал в Торжок
(Калининская обл.). «Он подробно расспросил, как мы
собираемся, интересовался часто ли бывают сборища,
на это я ответил, что собираемся без разрешения
группами, и нигде не регистрировались. Жидков выслу-
шал меня и начал давать указания: "Нужно вам сей-
час неофициальные нелегальные сборища прекратить,
т. к. если узнают районные власти, привлекут к от-
ветственности, нужно вам после уборочной кампании
зарегистрироваться и сборища проводить официально,
тогда вас никто не привлечет". О посещении меня
Жидковым и о его установке я рассказал Ефимову
А. Е., он меня выслушал и сказал: "Мы как про-
водили группами собрания, так и нужно проводить, бо-
яться нечего"». (Из протокола допроса от 25 ноября 1936 г.)

Следует отметить, что в то время никакой служитель
зарегистрированной общины не имел права посещать
нелегальные группы верующих, это было уголовно на-

казуемое преступление. Что же побудило Жидкова нарушить строгий закон? Он вернулся в Москву не с пустыми руками: сведения о незарегистрированных группах были тщательно собраны. Доверчивые верующие, остерегаясь внешних, не имели тайн от "своих", вели себя радушно и откровенно с высокопоставленным гостем. О цели его визита они ничего не знали. Вскоре после уезда Жидкова начались массовые аресты нелегальных групп по всей Калининской области.

Арестованную 26 октября 1936 года Шилову Веру обвинили в том, что она «состоит членом нелегальной к-р сектантской группы в Вышневолоцком районе, участвует в нелегальных собраниях, имеет связи с лидерами к-р сектантского движения за границей».

Показания ШИЛОВОЙ Веры Ивановны 6/Х-36 г.:

ВОПРОС: Вы имели переписку с многими лицами из-за границы, почему у вас при обыске не обнаружено переписки этой. Настаиваю на откровенных показаниях.

ОТВЕТ: Да, я имела переписку с заграничем, в частности, в этом году получала письма от ПЕТРОВА из Харбина и от НЕЙМАНИС из Риги. Последние два письма её я уничтожила путём сожжения в печке за час до обыска. Я сожгла их потому, что мне было известно о приезде в пос. Находно из НКВД. (...)

ВОПРОС: Скажите, есть ли разница между баптистами и евангелистами, входящими в В. Волоцкую нелегальную группу?

ОТВЕТ: Никакой разницы между баптистами и евангелистами нет. Мы идейно объединились без принятия какого бы то ни было решения. (Том 4, л. 203—212)

Из «Обвинительного заключения» от 30.12.1936 г.:

«Шилова Вера Ивановна обвиняется в том, что являлась активной участницей нелегальной к/р сектантской организации, участвовала на нелегальных собраниях и обсуждении к/р вопросов, через неё осуществлялась связь с лидерами нелегального сектантского движения, находящимися в ссылке и в частности с Шиловым И. Н., имела широкую связь и получала крупные суммы денег на антисоветские цели от еди-

номышленников, находящихся на территории ряда иностранных государств, вела а/с агитацию среди молодёжи, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 и 11 УК».

27 февраля 1937 г. Особое совещание при НКВД СССР постановило: «Шилову Вере Ивановну за участие в к/р сектантской группе заключить в лагерь сроком на 3 года». Вместе с группой подельников (44 человека) её этапировали в Казахстан. 30 марта 1937 года она прибыла в КарЛаг НКВД, находилась в Карабасском и К.-Кульском отделениях. Она оказалась в лагере по соседству с отцом. По воспоминаниям очевидцев Иван Никитич встречался с дочерью Верой.

Два поколения — отцы и дети — шли вместе узкой тропой тюрем, страданий, поношений. Они любили Господа больше своей жизни. Господь удостоил Ивана Никитича принять венец мученика в 1937 году.

12 октября 1939 года Вера Ивановна освободилась из мест заключения. Она умерла в 80-х годах на Украине. До конца жизни пела в хоре общины евангельских христиан-баптистов в городе Макеевке Донецкой области.

В 30-е годы Казахстан стал приютом для миллионов депортированных людей, местом ссылки и страдания невинно осуждённых служителей церкви, их жён и детей. Карагандинская степь идеально подходила для организации лагерей.

19 декабря 1931 года был образован КарЛаг ОГПУ — одно из подразделений ГУЛАГа. Территория КарЛага разделена на 8 отделений, 180 лагерей; его площадь составляет 17 тыс. 129 кв. км. — по территории почти равнялся Франции. За весь период существования КарЛага с 1931 по 1959 гг. в нём побывало более одного миллиона заключённых. Установлено, что священнослужителей первыми эшелонами привозили сюда.

Воротами КарЛага стала станция Карабас — здесь находился главный пересыльный лагерь, сюда прибывали эшелоны с заключёнными, и затем поток узников распределялся по всей территории Казахстана. В Карабасе отбывала заключение Вера Ивановна Шилова.

ст. Карабас, пересыльный лагерь

«КАК БУДТО С РОДНЫМИ ВСТРЕТИЛАСЬ...»

Как устроилась жизнь четырех детей Шиловых после ареста матери, отца и сестры?

В апреле 2010 года произошла удивительная встреча с Шиловой Надеждой Ивановной. В 2012 году ей исполнится 90 лет. Как заслуженному фельдшеру Северного края ей предоставили отдельную комнату на третьем этаже дома престарелых, где она проживает последние 10 лет. Она встретила нас в вестибюле. Первое впечатление: жизнерадостная, ухоженная, благородная старлица. Поднимаясь по лестнице, мы едва за ней успевали.

Надежда Ивановна родилась в 1922 году в Ленинграде, жила с семьей в Доме Евангелия на Васильевском острове (24 линия, дом 11, квартира № 3). В 1930 году дом конфисковали. Мы показали ей фотографии Дома Евангелия. Надежда Ивановна прослезилась и с особой нежностью в голосе произнесла:

«Вот мой родной дом — Дом Евангелия! Вот окно папиного кабинета на третьем этаже; а здесь — окна нашей квартиры, в которой была большая гостиная, комнаты... А здесь, во дворе, мы играли на специальной площадке для детей. Как я рада, что я могу вновь увидеть дорогой для меня дом! Как я хотела увидеть его, хотя бы ещё раз! Всё время мечтала поехать в Ленинград и посмотреть на дом моего детства, хоть у калитки постоять. Он всё ещё стоит там?»

В её памяти ожило детство, семья, богослужения, церковь, радостные лица верующих... Она вспоминала, как в 1930 году семью выселяли из Дома Евангелия. Ей было тогда 8 лет. Вскоре на воротах здания появилась надпись: «Религия — опиум для народа». Дом Евангелия, стал собственностью завода «Электроаппарат». Семьи служителей церкви (Шиловы, Мамулины, Скрипко, Хоревы), жившие при Доме Евангелия, выселили, им предоставили по комнате в коммунальных квартирах города.

Надежда Ивановна в 15 лет приняла крещение. Веру в Господа Иисуса Христа она пронесла через всю жизнь и сохранила до глубокой старости, но жизнь прожила тяжёлую, без церкви.

Она помнит, как в 1935 году уводили из дома отца. Пятеро детей Шиловых остались без родителей и без старшей сестры, без пропитания, без жилья, без средств существования. С того дня страх наложил отпечаток на всю жизнь Надежды Ивановны: она молилась втайне, в одиночку, скрывала свою принадлежность к семье репрессированного служителя церкви.

В 1942 году по окончании медицинского училища её призвали на фронт как санитаря. Чудом осталась жива. После войны логика выживания подсказывала: чтобы получить образование и место работы, нужно, предпринять всё, чтобы не обнаружили страшное клеймо: «дочь врага народа». После войны жила в Карелии (пос. Паданы) вместе с матерью Ольгой Михайловной. Вышла замуж, муж сильно пил и умер. Одна растила трёх сыновей: двое из них погибли при пожаре, третий — беспутный, 20 лет провёл в тюрьмах. Работала 50 лет фельдшером. Теперь, насыщенная днями, имеет приют и много свободного времени. Она читает Библию, молится, участвует в конкурсах по рукоделию...

Как сильны семена драгоценной веры, посеянные в детском сердце благочестивыми родителями! Когда в старости ушли на второй план все житейские заботы (образование, карьера, воспитание детей, обустройство

Редкое счастье: вся семья Шиловых в сборе

жилища, к чему стремятся все люди мира сего), на пороге вечности осталась лишь одна ценность — вера в Господа Иисуса Христа. Через 70 лет суетной жизни, когда все житейские опоры разрушились, она обновила своё посвящение Богу, обрела сердечный покой.

Надежда Ивановна — человек эпохи, единственный свидетель из семьи мученика и великого служителя. В непринуждённой обстановке невозможно не поинтересоваться:

— Вы помните Дом Евангелия?

— Конечно, помню! Какие роскошные были клумбы с цветами, во дворе росло много сирени! Какой замечательный сад был вокруг! Здание не только казалось нам, детям, большущим, оно и действительно было очень большим. С обратной стороны, выходящей на север, всегда было темно и страшно, мальчишки пугали нас: там кто-то «водится». Мы бегали на задний двор кататься на качелях, играли в лапту, катались на санках, делали снежные горки... При Доме Евангелия жил добрый сторож с большой бородой, у него был сын, Куявский Леша, кавалер моей старшей сестры Веры.

Мы жили на третьем этаже Дома Евангелия: отец располагал там своим кабинетом. Этажом ниже находился громаднейший зал с балконами для богослужений. В зале, где звучала проповедь, помню помещение для крещения (баптистерий). Верующих в Ленинграде в 20-е годы было много, лица у всех радостные, зал всегда полон слушателей. На праздники — народу тьма. Дети сидели обычно на балконе. Замечательно пел хор. Дом Евангелия был нашим домом. У отца был

макет этого дома, жаль, что он не сохранился.

Помню, как нас выселяли из Дома Евангелия: мне было 8 лет. Во двор с грохотом въехали машины с красноармейцами. На фасаде здания большими буквами было написано: «Бог есть любовь». Солдаты разбили эту надпись молотками: стучали, гремели. Вели себя, как разбойники. Нам страшно было, когда большие буквы с грохотом падали на землю и разбивались. Неприятно было видеть, как разрушают всё святое.

Нашу семью (маму и пятеро ребятишек) переселили в одну комнату в коммунальной квартире по адресу: Большой проспект, дом № 54.

Весной 1930 года отец освободился из очередного заключения и короткое время жил с нами в Ленинграде. Но его опять арестовали. (28 июля 1930 года И. Н. Шилов осудили к высылке на три года в Северный край. Ссылку отбывал в г. Вологде. — *Прим.*)

Помню, отец приходил с работы с кожаным портфелем и всегда приносил детям гостинец, подарок. Мы ожидали его с радостью: «Папа пришёл!» — и бросались к нему на шею, целовали, обнимали. Он был ласковый. Я запомнила его бодрым, молодым и жизнерадостным.

Отец вёл дневник, в котором описал своё трудное детство, жизнь до обращения к Богу. Он родом из деревни Тубовские Горки (Вышне-Волоцкого уезда Тверской губернии). В молодости был хулиганом, воякой: учинил где-то пожар, все драки в деревне проходили с его участием, в деревне его боялись. В армии он познакомился с верующими, и жизнь его изменилась коренным образом.

В 1923 году отец участвовал в работе Всемирного конгресса баптистов, ездил в Стокгольм (Швеция). У нас была огромных размеров фотография, на которой

1923 г., Стокгольм (Швеция). Делегация из России на Всемирном конгрессе баптистов. Слева второй — М. Д. Тимошенко, третий — И. Н. Шилов, пятый — П. В. Павлов

запечатлены лица всех делегатов. Жаль, что она утеряна.

— Ваша мама, Ольга Михайловна, рассказывала когда-нибудь, почему Иван Никитич именно ей предложил стать его женой?

— Дом Евангелия построил В. А. Фетлер в 1911 году. Мама жила при доме Евангелия и вместе с другими сёстрами-христианками стирала, гладила бельё, работала в столовой, убирала помещения, ухаживала за больными. Папа работал фельдшером, он был весьма чистоплотным, никогда не ходил без галстука. На пиджаке его помню значок «Х.В.» (Христос Воскрес). До женитьбы он приходил к Ольге Михайловне про-

верить сохраняется ли порядок в вещах. Мама была трудолюбивой, сама шила себе одежду, ходила опрятной, аккуратной. По характеру была тихой, кроткой и богобоязненной, видимо, поэтому отец обратил на неё внимание.

Ольга Михайловна до замужества (в верхнем ряду крайняя слева) и верующие сестрички — труженицы Дома Евангелия

У моих родителей родилось 11 детей. Шестеро из них умерли в дошкольном возрасте при эпидемии (не знаю какой). Мама вспоминала: «Один ребенок заразил другого, и в короткий срок пятеро умерли. Умирает ребёнок на глазах, а врачи ничего не могут сделать, — нет медикаментов». Имена умерших детей: Сонечка, Павел, два Пети, Андрей и мёртворождённую девочку похоронили без имени. Годы были тяжёлые. Выжили только пятеро детей.

— Как смогла эта маленькая женщина в одиночку растить детей и посеять в их сердце семена веры?

— Я родилась в семье третьей, в 1922 году. После

Дети в семье Шиловых, умершие от эпидемии, 1915 г., Петроград

Великой отечественной войны жила в Карелии (Медвежегорский р-н), в нашем районе ни такой церкви, как в Ленинграде, ни верующих не было. Батюшка часто приходил в наш дом, любил беседовать с мамой на религиозные темы. Как глубоко верующая она до конца сохранила веру в Господа, хотя мы жили без церкви. Я с мамой всегда молилась вечером и утром. За чаем, за обедом мы тоже молились и вспоминали о Господе. Я молюсь по сей день.

Сколько мама перенесла — просто уму непостижимо! Какое крепкое сердце надо иметь, а главное любовь к Богу! Мамочка очень скромный по натуре человек. Разлуку с мужем переносила молча. Ей приходилось много работать, чтобы прокормить семью, но она довольствовалась всем. В её лице мы имеем пример удивительной матери: читала с нами Библию, молилась всегда вместе. Любила читать нам книги о верующих. Садилась за стол — помолимся, отправляемся спать — с молитвой. Она была твёрдая в вере. В моей памяти остался голос мамы, читающей нам Библию. Папу арестовывали несколько раз и отправляли в ссылку то в Якутию, то в Туруханский край, то в Вологодскую область, и каждый раз мама приезжала к нему в ссылку со всеми детьми. Конечно, это составляло огромную трудность — переезжать с большой семьёй и заново обживаться на новом месте. При каждом переезде она теряла часть своих вещей.

Она отошла к Господу 28 марта 1969 года в возрасте 78 лет и похоронена на деревенском кладбище в с. Паданы, Медвежегорский р-н.

В 1931 году я окончила второй класс, и семья из Ленинграда переехала к отцу в ссылку (Вологодская область, с. Грязовец). Мы жили в квартире. Мама там лежала в больнице со страшным заболеванием — брюшной тиф. Слава Богу — выжила! Отец работал фельдшером и пользовался уважением. Через знакомых он получал из Риги медикаменты и смог вылечить людей с большими ожогами, за это официально получил благодарность от администрации, его ценили как специалиста.

— У Ивана Никитича были братья, сёстры?

— Сергей Никитич (брат, к сожалению, неверующий) работал в Ленинграде директором большого завода. Его два сына погибли на фронте. Родители отца жили в Тверской губернии (Вышне-Волоцкий р-н, дер. Нахадна, станция Академическая). По вероисповеданию — православные. Наша семья переехала из Ленинграда на родину отца по окончании его ссылки. Потом был Вышний Волочок. Там жили у верующих Махотиных, наших родственников, на 5-й Пролетарской улице. Мама работала на фабрике им. Когановича в прядильном цехе.

— Какое событие из детства оставило самые тяжёлые воспоминания?

— Арест отца в 1935 году. Годом раньше осудили маму на 5 лет лагерей. Когда у нас взяли отца, мы все горько плакали. Помню, отец пришёл днём с работы и за ним сразу явилось трое солдат с автоматами. Отец помолился с нами, простился, и они повели его под конвоем. Больше мы его не видели. Все годы никто из семьи не знал где он, что с ним, и по сей день мы ничего не знаем о нём... Дата его смерти нам тоже не известна.

Мы писали письма отцу, но они до него не доходили. Однажды получили от него открытку из лагеря.

Мы читали её и плакали.

Молодёжь в Вышнем Волочке под видом прогулки собиралась в лесу, все брали с собой Библию, читали её, пели там христианские песни и молились. Когда мне исполнилось 14 лет, меня крестили в Вышнем Волочке в реке.

Мой брат Виктор ходил всегда с Библией, как настоящий проповедник. Мы приходили в лес, он читал Библию, проповедовал. Он был верующим, как отец.

В 1936 году арестовали старшую сестрёнку — Веру и осудили на три года лагерей. В 1939 году из тюрьмы вернулась мамочка. Нашей семье было трудно жить в Вышнем Волочке, и после приглашения верующих из Майкопа: «Приезжайте к нам», мы переехали в Адыгею. В Вышнем Волочке мама оставила всё на чердаке в доме семьи Махотиных: папину библиотеку с книгами по медицине, рукописи отца, фотографии, личные вещи. С большим сожалением мы расставались с этим. В Майкопе мы жили в доме верующей бабушки. Где бы мы ни жили, верующие всегда помогали маме.

Когда началась война, я сдавала экзамен по акушерству. Помню, как в аудиторию вошёл директор медучилища и что-то сказал на ухо преподавателю. Она побледнела, и нас отправили по домам. Экзамен отменили. В 1942 году во время войны я закончила фельдшерскую школу. После войны вышла замуж. Муж умер от рака печени. Мама всегда напоминала мне о страхе Божьем: «Доченька, не забывай молиться».

— Как сложилась судьба ваших сестёр и брата?

— Вера (1916 г.р.) — старшая из детей, родилась в Петрограде. Она любила Господа. В 1936 году её арестовали и этапировали в Карагандинские лагеря. В лагере она встретилась с отцом. В 1940 году в Майкопе вышла замуж, родила пятерых деток. Была членом церкви в Макеевке, пела в хоре, умерла в Господе в 1985 году.

Лида (1921 г.р.) — до войны была верующая, потом охладела в вере и умерла в Макеевке. Её дочь и внучка Наташа покаяться, посещают богослужения на Украине.

Виктор (1923 г.р.) после ареста Веры уехал в Ленинград, 15-летним парнишкой устроился работать на заводе. Однажды он навестил нас в Майкопе, вёз подарочки, а его по дороге ограбили. Побыл немного у нас, вернулся в Ленинград, и больше мы его не видели. В 1941 году ему исполнилось 18 лет, его призвали на Ленинградский фронт. В декабре 1941 года он погиб при неизвестных обстоятельствах. На запрос о судьбе сына мама не смогла получить никаких сведений. Он, как и отец, был твёрдым в вере. Он прожил короткую, но яркую жизнь.

Прим.: «Широв Виктор Иванович, 1923 г.р., красноармеец. Пропал без вести в декабре 1941 г.» (информация из «Книги памяти»). Виктор пошёл на фронт истинным христианином с намерением исполнить заповедь Божью «не убей!». Есть предположение, что в армии он отказался от оружия. По законам военного времени за это расстреливали без суда и следствия.

Люба (1925 г.р.) — работала служащей в банке в Макеевке. В конце жизни пришла к Богу, покаяться, умерла в 2009 году, церковь её похоронила. Её муж покаяться на смертном одре, его тоже похоронили верующие.

Продолжение следует.